

К 300-ЛЕТИЮ ЕКАТЕРИНБУРГА

УДК 94(470.54)"1930/1960"

doi 10.17072/2219-3111-2023-3-186-200

Ссылка для цитирования: *Бугров К. Д., Емельянов Е. П.* «Периферийная столица» или общесоюзный центр? Векторы культурного развития Свердловска в 1940–1980-х годах // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 3(62). С. 186–200.

**«ПЕРИФЕРИЙНАЯ СТОЛИЦА» ИЛИ ОБЩЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТР?
ВЕКТОРЫ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ СВЕРДЛОВСКА
В 1940–1980-Х ГОДАХ¹*****К. Д. Бугров***

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, 620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

k.d.bugrov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4596-8854

Researcher ID: Q-4273-2017

Scopus Author: 55976156600

Е. П. Емельянов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 620000, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

emeljanov@ucenter.ru

ORCID: 0000-0002-2939-7270

Researcher ID: U-8898-2018

Scopus Author: отсутствует

Рассматривается проблема формирования в периферийных центрах СССР культурных центров национального значения, под которыми подразумеваются устойчивые сообщества творческих работников, работающих в одном населенном пункте и создающих произведения искусства, пользующиеся известностью на территории всей страны. Сделан вывод, что культурный центр национального уровня сформировался в Свердловске в 1930–1960-е гг. в тесной связи с ростом административной и научно-технической роли города как центра управления, производства и прикладных исследований. Базой для этого следует считать сочетание резкого количественного роста культурной сферы Свердловска в ходе довоенных пятилеток, эффект эвакуации и оборонно-трудовой мобилизации в годы Великой Отечественной войны. С конца 1930-х гг. региональная культура развивалась с опорой на локальную «квазиэтническую» идентичность, сложился региональный канон, который достаточно плодотворно разрабатывался писателями, художниками и режиссерами. Однако заданная правительственной линией на развитие этнической культуры народов СССР «уральская тема» уже к 1960-м гг. достигла предела своего развития. С трансформацией социальной структуры Свердловска, в которой все большую роль начинает играть интеллигенция, стратегией успеха для творческих сообществ становится стратегия эксперимента, ориентированного не столько на идеологическую линию, сколько на потребителя. Таким образом, развитие культурных центров в СССР зависело как от институтов, организовывавших это развитие, так и от трансформаций социальной среды. Напряжение между ориентацией институтов на региональную тематику уральского канона и рыночным спросом со стороны растущей городской интеллигенции определяло ход и темп развития культурного центра в Свердловске в позднесоветское время на основе глобальных тенденций, включая обращение к гуманизму, историзму, защите окружающей среды.

Ключевые слова: история Екатеринбурга, история советской культуры, художественная культура Урала XX в., культурные центры, интеллигенция, рыночный спрос.

Введение

Советский Союз отличался высокой степенью централизации культуры [Белошанка, 2009, с. 88], одновременно претендуя на равномерное развитие всех городов, больших и малых. В 1937 г. публицист С. Диковский, размышляя о трансформации страны после двух пятилеток, приходил к выводу: «Нет захолустья. Есть периферия, где люди работают так же настойчиво, дружно, самоотверженно, как и в центре» (Диковский, 1937). Жесткая иерархичность, предполагавшая существование центра и периферии, означала (по крайней мере, теоретически), что города Союза движутся как бы по своим культурным орбитам, не конкурируя друг с другом [Янковская, 2007, с. 185]. Н. В. Зубаревич подчеркивает, что пространственное развитие всегда является неравномерным из-за своего центр-периферийного характера; она описывает пространство России с помощью четырех моделей («четыре России»), объединенных в иерархическую последовательность – от группы крупнейших городов до отсталой сельской периферии [Зубаревич, 2011]. Однако, когда социально-экономический анализ распределяет города по уровням иерархии, он обычно делает это *постфактум*, ссылаясь на определенные закономерности. Настоящая работа посвящена историческому аспекту проблемы формирования культурного центра на примере Свердловска – города, с 1930-х гг. безусловно входившего в «первый эшелон» советских городов и считавшегося одной из «периферийных столиц».

В 1976 г. очередной том Большой советской энциклопедии, содержащий статью о Свердловске, описывал город штампованной формулой «важный промышленный, культурный и научный центр Советского Союза» (Свердловск, 1976, с. 39), применявшейся практически ко всем городам-миллионникам СССР. Что скрывается за клише? В обширной литературе, посвященной развитию культуры на Урале, механика присутствия Свердловска на общесоюзном культурном уровне не рассматривается специально [Композиторы Екатеринбурга, 1998; Образ Урала в изобразительном искусстве, 2008; Блинов, Созина, 2016; Кириллова, 2016]. Конечно, еще Н. К. Пиксанов в известной работе «Областные культурные гнезда» (1928) писал о значении региональных культурных центров и их влиянии на культурную жизнь столиц, связанную с переселением в них выходцев из провинции [Пиксанов, 1928, с. 18–19, 52–53], но в краеведческих работах 1920-х гг. не ставилась проблема возникновения на периферии культурного центра национального уровня; в культурной жизни того времени подобный феномен отсутствовал. В исследовательской среде востребовано изучение антитезы «столица – провинция», связанное с трудами С. О. Шмидта, М. С. Кагана, Н. М. Инюшкина, Т. С. Злотниковой и других ученых [Бурлина, 2012]. «Провинциальный» город с XIX в. становится, по емкому выражению В. В. Абашева, «колоритным и очень влиятельным топосом русской культуры», сложившимся в литературе XIX в. и обладающим «особой темпоральностью с характерной замедленностью, сонностью и иллюзорностью, вплоть до остановки времени» [Абашев, 2000, с. 53]. Предустановленная иерархия *столиц* и *периферии* провоцировала выработку локальной идентичности на основе апроприации столичной роли в своего рода «лозунгах-девизах» типа «столица Урала» или «третья столица России» [Назукина, 2018, с. 61–62].

Иерархизм подчас трактуется в научных работах как унифицирующий централизм; следовательно, наличие явной, фиксируемой локальной специфики (например, этнической или религиозной) мыслится как важная предпосылка культурного подъема, уравнивающая давление *столиц*. Так, М. Н. Липовецкий, фиксируя «подъем культурной активности в Свердловске-Екатеринбурге, который приходится на период перестройки и начало 1990-х гг. и никак не связан с развитием местных культурных традиций», выражает удивление фактом подобного подъема при «отсутствии культурной, религиозной или этнической специфики региона, а также доминировании тяжелой промышленности, глубоко интегрированной в федеральную экономику» [Липовецкий, 2019, с. 10]. Здесь культурный подъем оказывается возможным как бы вопреки унифицирующей системе, хотя замечание Липовецкого об «отсутствии специфики региона» является, как мы постараемся показать ниже, не вполне точным. Следует скорее согласиться с Г. А. Янковской, подчеркивающей: «В художественной культуре унификация стилистики, институциональной системы, художественной повседневности была ведущей, но не единственной тенденцией. Ситуация менялась от области к области, от региона к региону, в зависимости от

местных исторических и артистических традиций, а также национальной специфики» [Янковская, 2007, с. 185–186]. Таким образом, клишированная формула «культурный центр» требует дополнительного анализа.

Мы определяем культурный центр национального уровня как устойчивое сообщество культурных деятелей (творческих работников в широком смысле), трудящихся в одном населенном пункте и обладающих измеримой известностью на всей территории страны. В противовес этому, «периферийной столицей» мы будем называть такой город, который – по обрисованной выше центр-периферийной логике – встроен в жесткую вертикаль иерархии и производящий культурную продукцию главным образом для административно и хозяйственно подчиненных территорий. Ниже мы рассмотрим ключевые вехи преобразования Свердловска из «периферийной столицы» в культурный центр национального уровня и опишем механику такого преобразования.

Свердловск: институциональные факторы «столичности»

Екатеринбург с момента своего основания являлся административным и экономическим центром горнозаводской промышленности. Это способствовало сосредоточению в городе довольно значительных интеллектуальных сил. На эту специфику указывал, среди прочих, финансист В. П. Аничков, отмечавший, что в годы Гражданской войны Екатеринбург по качественному составу интеллигенции заметно превосходил «столицу» белой Сибири – Омск [Аничков, 1998, с. 177]. В 1879 г. в Екатеринбурге начала выходить газета «Екатеринбургская неделя», издателем и основным автором которой выступал П. К. Штейнфельд. С 1870 г. центром консолидации интеллектуальных ресурсов Екатеринбурга стало Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), в отсутствие профессиональных исследовательских организаций представлявшее собой «единственный научный центр, который на общественных началах, но целенаправленно занимался изучением края, особенно его природы и древнейшего прошлого» [Зорина, 1996, с. 167]. В 1920 г. в Екатеринбурге был сформирован Уральский университет, который, даже несмотря на неудачу исходного амбициозного плана по созданию многопрофильного научно-образовательного учреждения, внес определяющий вклад в развитие города в XX столетии. Опорой и УОЛЕ, и Уральского университета выступали горные и металлургические инженеры, геологи, врачи, краеведы. А старт индустриализации привел к формированию в Свердловске целой сети научно-исследовательских и проектных институтов, специализировавшихся в профильных для региона областях горного дела, химии и металлургии: «Уралмеханобр», Уральского научно-исследовательского института химии, Уральского института черных металлов, Восточного углехимического института и ряда других. Настоящим магнитом для технической интеллигенции стал пущенный в 1932 г. Уральский завод тяжелого машиностроения. Эта сеть опиралась на уже имевшийся кадровый задел, но и сама активно привлекала специалистов со всего СССР. Нужно согласиться с Л. Н. Мазур, отмечающей, что «наиболее значительным достижением Свердловска в советский период стало превращение его в университетский город и крупный научный центр» [Мазур, 2021, с. 174].

Важную роль сыграл и административный статус Свердловска как центра созданной в 1923 г. обширной Уральской области. Институтами и ресурсами город начал насыщаться еще в 1910–1920-е гг., когда появились первые вузы, государственное издательство и оперный театр, возникли многотиражные литературные журналы. В ходе «Великого перелома» Свердловск превратился в город с многочисленной технической интеллигенцией, сетью театров, библиотек и высших учебных заведений [Анимца, 1983, с. 14], а также с региональными подразделениями творческих союзов (писателей, художников, архитекторов, композиторов) (Бердников, Рабинович, 1983, с. 107–112). Начавшееся в эти годы формирование в Свердловске культурного центра национального масштаба являлось одним из последствий этих перемен. Впрочем, не стоит абсолютизировать эту, по меткому выражению К. И. Зубкова, «геополитику в региональном интерьере» как основной ресурс роста. Не менее важно то, что столичное положение города усилило его «административную гравитацию». Так, в Свердловске оказались сосредоточены функции управления ключевым видом транспорта – железной дорогой (хотя формально она именовалась Пермской железной дорогой вплоть до 1953 г., с 1919 г. ее руководство размеща-

лось в Свердловске), разместился центр формировавшейся на Урале энергосистемы – Уральское районное управление электростанций и сетей (Уралэнерго), а с 1935 г. в Свердловске разместился штаб военного округа. Но административные амбиции, конечно, так и остались бы бумажным статусом, если бы одновременно не развернулось хозяйственное строительство; сам Свердловск, не игравший до 1917 г. крупной индустриальной роли, превратился в ведущий промышленный центр. Творцы новой плановой экономики стремились использовать человеческий капитал города, насыщая его машиностроительными предприятиями.

Совокупность факторов – интеллектуальный, административный, транспортно-инфраструктурный, хозяйственный – привели к тому, что в 1930-х гг. Свердловск стал полноценной периферийной «столицей», сохранив определенную «столичность» даже после разделения Уральской области на несколько частей. Вместе с тем принципиально уникальным подобное развитие не было: оно не отличалось от развития культурной сферы в других городах российской провинции – таких областных «столиц», как Ростов-на-Дону, Горький, Новосибирск и др. Уже в постсоветскую эпоху эти социально-культурные траектории воплотились в практиках номинализации. Проживавшие и работавшие в городе писатели, артисты, музыканты и художники получали широкую известность лишь после переезда в столицы (Ф. М. Решетников, Л. В. Туржанский, А. К. Денисов-Уральский, И. Д. Шадр, Г. А. Александров, И. А. Пырьев, С. А. Герасимов, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев). В числе исключений из этой тенденции можно назвать, пожалуй, Д. Н. Мамина-Сибиряка и С. Д. Эрзю, прославившихся еще в Екатеринбурге, но и они по мере развития их творческого потенциала покинули город [Дергачев, 1981, с. 122–126, 189; Клюева, 2005, с. 146–148]. Для поддержания политики индустриального роста в начале 1930-х гг. понадобилось привлекать творческие «десанты» столичных писателей и художников [Алексеев, 2008].

«Если вы не бывали в Свердловске...»: апофеоз «периферийной столицы»

С 1930-х гг. все больше свердловчан продолжало работать в городе и после того, как их творчество получило признание далеко за пределами Среднего Урала. Первым деятелем культуры, оставшимся в Свердловске после получения известности на всесоюзном уровне, был П. П. Бажов, писательская слава которого началась с публикации четырех сказов в 1936 г. на страницах журнала «Красная новь» [Сутырин, 2012, с. 313–314, 349–350]. В дальнейшем сказы Бажова публиковались на страницах центральной прессы, выходили в московских издательствах, а в 1943 г. Бажов был удостоен Сталинской премии (О присуждении Сталинских премий..., 1943, с. 1), став первым ее лауреатом в области литературы и искусства, проживавшим за пределами Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик.

Значительное влияние на формирование культурного ландшафта Свердловска имела эвакуация. В город были эвакуированы театры, музеи, вузы Москвы, Ленинграда, УССР, крупнейшие мастера культуры [Сперанский, 2007, с. 244–245]. Однако, разумеется, Свердловск не был единственным центром эвакуации. К примеру, ведущие институты АН СССР были перебронированы в Казань. В Свердловск же планировалось эвакуировать лишь отдельные институты. В организационном смысле эвакуация оказала влияние на многие города, не давая ни одному из них преимуществ. К тому же еще до конца войны абсолютное большинство эвакуированных работников культурной сферы возвратилось в столицы, так что их влияние на учебную и культурную среду Свердловска оказалось довольно-таки ограниченным. В конце 1940-х гг. определяющую роль в данных сферах играли те же кадры, что и в довоенный период. Не оставаясь в Свердловске и не воздействуя на развитие местной культурной сферы напрямую, представители эвакуированной интеллигенции тем не менее оказывали мощное косвенное воздействие. Их обращения к опыту трудового фронта на Урале в годы Великой Отечественной войны легитимировали уральскую тему в общесоюзном контексте. В послевоенный период Сталинскими премиями были отмечены В. Ф. Панова за роман «Кружилиха» (1947), Ф. И. Панферов – за дилогию «Борьба за мир» (1945–1949), А. В. Караваева – за трилогию «Родина» (1943–1950). Все эти литературные работы описывали жизнь Урала времен войны и эвакуации. В 1948 г. Сталинскую премию получил свердловский писатель И. И. Ликстанов, с начала 1930-х гг. играв-

ший видную роль в литературной жизни города, за повесть «Малышок», посвященную работе подростков на заводах Свердловска в годы Великой Отечественной войны (О присуждении Сталинских премий..., 1948, с. 1).

В 1946 г. Сталинские премии получили коллективы сразу двух свердловских театров. В январе режиссер Свердловского театра музыкальной комедии Г. И. Кугушев и артисты С. А. Дыбчо, П. А. Емельянова, М. Г. Виск получили премию 2-й степени за 1943–1944 гг., удостоившись награждения за постановку оперетты В. В. Щербачева «Табачный капитан» (О присуждении Сталинских премий <...> за 1943–1944 годы, 1946, с. 4). Таким образом, Свердловск стал первым провинциальным городом РСФСР, в котором появился театральный коллектив, удостоенный Сталинской премии. А в июне дирижер Театр оперы и балеты А. Э. Маргулян, режиссер Е. А. Брилли, хормейстер А. В. Преображенский и певцы А. Г. Азрикан и Н. И. Киселевская получили премию 2-й степени за 1945 г. (О присуждении Сталинских премий <...> за 1945 год, 1946, с. 3). Они были награждены за постановку оперы Д. Верди «Отелло». Все упомянутые театральные деятели, кроме Е. А. Брилли и А. Г. Азрикана, начали творческую карьеру в Свердловске еще в 1930-е гг. Набирал вес и свердловский кинематограф, первоначально специализировавшийся на документалистике. В 1951 г. документальная работа режиссера Я. Г. Задорожного «Соперники», посвященная орловским рысакам, была награждена Сталинской премией. Впервые в СССР престижную награду получила документальная лента провинциальной киностудии.

Обращенная к фольклорному началу уральская композиторская школа была представлена в 1950-х гг. работами В. Н. Трамбицкого, Г. Н. Топоркова (кантата «Урал», 1954), Н. М. Пузеля, Б. Д. Гибалина («Счастливая земля», 1949; «Уральские были», 1951; «Уральские зори», 1957), Е. П. Родыгина [Романова, 2016, с. 6]. Уральской тематике были посвящены работы таких композиторов, как А. Г. Фридлиндер («Каменный цветок», 1944) и К. А. Кацман («Урал-богатырь», 1945). Особо интересна оперетта «Марк Береговик» (1955), созданная по мотивам сказов П. П. Бажова композитором К. А. Кацман и поэтессой Е. Е. Хоринской и поставленная Г. И. Кугушевым на сцене Свердловского театра музыкальной комедии. В 1954 г. на всесоюзном смотре художественной самодеятельности прозвучала «Уральская рябинушка» композитора Е. П. Родыгина, а вскоре получили известность и другие его песни: «Едут новоселы», «Белым снегом» и «Песня о Свердловске», известная также как «Свердловский вальс» [Композиторы Екатеринбурга, 1998, с. 185, 189, 343]. Последняя из этих песен, на стихи Г. А. Варшавского, впервые исполненная в 1962 г., заняла свое место в рядах других подобных номеров о разнообразных региональных центрах – достаточно вспомнить «Сормовскую лирическую» (1949) Б. А. Мокроусова на стихи Е. А. Долматовского, «Куйбышевский вальс» (1956) С. А. Савельева на стихи В. П. Бурьгина и «Донбасский вальс» (1960) А. Н. Холминова на слова И. И. Кобзева. Она стала настоящим гимном «периферийной столицы» (Варшавский, 1962):

Если вы не бывали в Свердловске,
Приглашаем вас в гости и ждем,
Мы по городу нашему вместе,
Красотою любуясь, пройдем.

Наконец, в 1958 г. роман свердловского писателя В. К. Очеретина «Саламандра», следовавший опять-таки в русле производственного романа 1940-х гг., был номинирован на Ленинскую премию, однако не получил награды².

Итак, к 1950-м гг. в Свердловске сложился локальный творческий канон, практически исключивший потребность в опоре на столичную интеллигенцию для разработки региональной тематики. Сформированные в те годы образы стали весьма устойчивыми; они легли в основу территориальной идентичности уральского макрорегиона, опирающуюся, по выражению М. В. Назукиной, на «экономический (индустриальный) дискурс, реализуемый через заводской символ» [Назукина, 2015, с. 41]. Однако форсирование уральской специфики 1940–1950-х гг., сочетавшее разработку тематики регионального фольклора с индустриальным пафосом «опорного края державы», в целом не принесло свердловским деятелям культуры престижных

наград. Закрепить в 1950-х гг. уральскую тематику в общесоюзном пространстве, вывести ее за границы конкретного региона свердловским писателям и композиторам не удалось.

Складывание центра современной культуры в Свердловске 1960-х годов

В 1963 г. главным режиссером Свердловского театра музыкальной комедии стал В. А. Курочкин, вернувший музкомедию в число ведущих театров страны [Счастливые места..., 2018, с. 173, 189]. Залогом успеха стал выбор рискованной, но перспективной стратегии экспериментов: коллектив, возглавляемый Курочкиным, оказался в авангарде структурной трансформации отечественного музыкального спектакля [Коробков, 2018]. Сам Курочкин декларировал: «Безусловно, оперетта – жанр веселый. Но такая “легкость” восприятия дает еще более активную возможность участвовать в идейном и эстетическом воспитании зрителей! <...> Я считаю, что диапазон оперетты может распространяться от комедии до драмы, оперетта должна наступать широким фронтом» (Курочкин, 1964, с. 30). К примеру, в 1965 г. под его руководством был поставлен спектакль «Черный дракон» на музыку итальянского композитора Д. Модуньо и главного дирижера театра В. Ф. Уткина, ставший первым мюзиклом в СССР [Счастливые места..., 2018, с. 271]. Стратегия Курочкина дала результат: театр укрепил за собой репутацию «лаборатории советской оперетты» [Александров, 1978, с. 75]. Сходным путем в 1980-х гг. двинулся и Свердловский театр оперы и балета, где реализация новаторской программы была связана с «командой молодых, дерзких и очень талантливых людей» (Кичин, 2009), во главе с творческим дуэтом главного режиссера А. Б. Тителя и главного дирижера Е. В. Бражника, работавших вместе с 1981 г. и поставивших оперы «Борис Годунов», «Сказку о царе Салтане», «Сказки Гофмана». Главным успехом театра в те годы стала опера «Пророк» свердловского композитора В. А. Кобекина, новатора и оригинального теоретика музыки [Растворова, 2012, с. 252], основанная на творчестве и судьбе А. С. Пушкина и удостоенная в 1987 г. Государственной премии СССР. Постановки Свердловского театра оперы и балеты имели отличные отзывы в прессе (Матафонова, 2012); после триумфальных московских гастролей 1987 г. дуэт распался: А. Е. Титель переехал в Москву.

В области изобразительного искусства также наметился сдвиг: с конца 1950-х гг. все громче заявляла о себе плеяда молодых свердловских художников. В 1965 г. на всесоюзной выставке «На страже мира» была представлена новаторская картина Г. С. Мосина и М. Ш. Брусиловского «1918», показанная в следующем году на 33-й Венецианской биеннале [Алексеев, 2013, с. 55–56]. В это же время получила широкую известность и графика В. М. Воловича, получившего в 1965 г. серебряную медаль на международной выставке книги в Лейпциге за иллюстрации к балладе Р. Стивенсона «Вересковый мед» (Волович, 2017, с. 183). Важно, однако, иметь в виду, что эти мастера в 1960–1970-х гг. стабильно получали различные заказы в сфере производственной живописи. Е. П. Алексеев и А. Н. Мережников, анализируя цикл иллюстраций Г. С. Мосина к изданию «Малахитовой шкатулки» П. П. Бажова, вышедшему в 1983 г., замечают, что сознательно выбранная Мосиным стилистика обложки издания, имитировавшая настоящую малахитовую шкатулку, выглядела по меркам «взыскательного зрителя 1980-х годов» устаревшей и «провинциально-вторичной» [Алексеев, Мережников, 2022, с. 44], образуя контраст с новаторской манерой, в которой были выполнены сами иллюстрации. Это замечание искусствоведов позволяет оценить трансформации в восприятии изобразительного искусства, имевшие место в 1960–1970-х гг.

В литературе тоже протекали новаторские процессы. Так, в 1964 г. на страницах всесоюзного журнала «Пионер» с рассказом «Капитаны не смотрят назад» дебютировал В. П. Крапивин, а вышедшие в 1965–1966 гг. в том же журнале повести «Оруженосец Кашка» и «Та сторона, где ветер» принесли автору популярность во всей стране [Щупов, 2017, с. 101–106]. Творческая программа писателя шла рука об руку с социально-педагогической: еще в 1961 г. Крапивин организовал «детскую разновозрастную группу» под аббревиатурой БВР («Братство Веселого Роджера»), на базе которой после череды трансформаций был в 1968 г. сформирован внешкольный пионерский отряд «Каравелла» [Крапивина, 2012, с. 132–133]. Таким образом,

интерес к творчеству Крапивина подпитывался интересом к его гуманистической программе воспитания молодежи.

Не меньший интерес вызывали проблемы экологии, причем здесь застрельщиками выступали ученые. Так, проблемы защиты окружающей среды поднимал в своих трудах и публичных выступлениях академик С. С. Шварц, основатель и глава Института экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР [Горчаковский, 1999]. Наиболее же ярким воплощением этой тенденции к защите среды стало творчество видного публициста Б. С. Рябинина. В 1930–1950-х гг. он прославился как автор многочисленных сочинений о животных, а также историко-публицистических очерков о промышленных предприятиях и рабочих уральских заводов. С конца 1960-х гг. усилия Рябинина оказались направлены на защиту историко-культурной и природной среды; в 1970–1980-х гг. Рябинин оказался лидером целого ряда кампаний по сохранению градостроительного наследия Свердловска, выступал на экологические темы. К проблемам экологии обращался и один из наиболее видных писателей Свердловска 1970–1980-х гг. Н. Г. Никонов, идейно близкий к деревенщикам; его «публицистическая поэма» «След рыси» (1977), первоначально опубликованная в «Уральском следопыте», в 1983 г. вышла в серии «Роман-газета». Никонов дважды был выдвинут на соискание Государственной премии, но так ни разу ее и не получил.

Впрочем, и «квазиэтническая» региональная идентичность, приковывавшая к себе внимание свердловской творческой интеллигенции с 1940-х гг., тоже оказалась востребована. С 1960-х гг. историзм стал одним из ориентиров урбанистического развития Свердловска. Общий тренд был задан направлявшейся из центра политикой укрепления культурной сферы; в 1966 г. было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Консолидировавшаяся вокруг ВООПИК свердловская интеллигенция смогла организовать целую серию кампаний по защите исторического облика Свердловска и других городов Урала [Соколов, 2021, с. 226–227; Лахтионова, 2022, с. 447]. Огромную роль здесь сыграл архитектор Н. С. Алферов, профессор Уральского политехнического института (в 1967 г. он станет основателем Свердловского архитектурного института), с конца 1950-х гг. разрабатывавший исследовательскую тематику «городов-заводов» XVIII – начала XIX в. На основе идей Алферова и его коллег в середине 1960-х гг. был кардинально реконструирован городской центр; здесь был создан Исторический сквер с частично сохранными старыми заводскими корпусами, которые планировалось использовать теперь как центры музейно-просветительской работы. Хотя большая часть исторического наследия старого Екатеринбургского завода была утрачена при реконструкции, все же создание Исторического сквера на бывшей индустриальной территории стало крупной новацией в советском градостроении. В 1980-х гг. эта стратегия была вновь с успехом применена, теперь уже при создании Литературного квартала – культурного пространства, имитировавшего квартал старого Екатеринбурга; для создания исторической атмосферы здесь был снесен дом 1950-х гг., а также была выстроена реплика памятника деревянного модерна (дом Иванова), располагавшегося в другом месте и сгоревшего в 1970 г. Пространство квартала было благоустроено и превращено в парк [Худякова, 2006]. Инициатором строительства при деятельной поддержке главы городского совета П. М. Шаманова выступила Л. А. Худякова, в 1972–1984 гг. возглавлявшая отдел культуры Свердловского областного комитета КПСС, а с 1984 г. возглавившая размещившийся в новом квартале Музей писателей Урала. Обращение к уральской исторической тематике позволило укрепить свои позиции Свердловской киностудии, переключившейся теперь на производство фильмов с уральской спецификой. Ее ресурсов не хватало для конкуренции с мощными студиями столичных городов в производстве широкоэкранных фильмов, однако свердловчане уверенно осваивали формирующийся в СССР рынок телевизионного кинематографа. В 1967 г. большой успех имела картина московского режиссера В. М. Георгиева «Сильные духом», посвященная разведчику Н. И. Кузнецову. А в 1968 г. на экраны вышел телефильм Я. Л. Лапшина «Угрюм-река», ставший одним из лидеров союзного проката, в 1972 г. последовал телефильм «Приваловские миллионы», удостоенный Государственной премии РСФСР 1975 г., в 1983 г. – еще один успешный телефильм «Демидовы» [Кириллова, 2016, с. 140–141]. Новаторские стратегии сложно взаимо-

действовали с историзмом, который имел тенденцию перерасти в «локальный фундаментализм» [Абашев, 2012, с. 131–132; Янковская, 2013, с. 161] и начать вновь воспроизводить культурные механизмы «периферийной столицы».

На фоне триумфального шествия новаторства, экологической проблематики, историзма, особенно отчетливо выявляется неспособность крупных индустриально-производственных проектов в позднесоветском Свердловске играть консолидирующую социально-культурную роль. Так, если строительство «Уралмаша» в 1930-х гг. стало одной из доминант в культуре Свердловска тех лет, то крупнейшая стройка 1970-х гг. – цех холодной прокатки (ЦХП) Верх-Исетского металлургического завода – так и не смогла стать весомым фактором культурной жизни города, несмотря на огромное внимание прессы, многочисленные награды строителей и подчеркнутую технологичность нового завода. Создателей ЦХП во главе с директором завода В. С. Ожигановым нельзя было обвинить в невнимании к актуальным тенденциям. Так, при возведении комплекса были впервые разработаны и применены новаторские технологии очистки воды, исключившие слив отходов нового производства в реку Исеть. Наряду с экологической, у руководителей завода была и культурная программа: старый Верх-Исетский завод предполагалось закрыть и музеефицировать, трансформировав бывший заводской поселок в культурно-досуговую площадку, а около новой промплощадки планировалось создание новых инфраструктурных узлов и благоустроенной набережной (Букин, Пискунов, 1982, с. 205–209).

Нерыночный спрос: культура в городе интеллигенции и бюрократии

Совокупность охарактеризованных выше форм культурного признания позволяет говорить о том, что с 1960-х гг. за Свердловском постепенно закрепляется значение национального культурного центра. Феномен трансформации «периферийной столицы» в культурный центр национального уровня связан в первую очередь с индивидуальными стратегиями выдающихся деятелей культуры, которые, даже обретая признание, оставались в своей «периферийной столице» благодаря наличию институтов и ресурсов, позволявших развивать успешную творческую деятельность. Об этом говорит, например, Т. П. Жумати, анализируя развитие андеграунда в СССР 1980-х гг.: «Художественная ситуация в провинции в 1960–1980-е гг. складывается под влиянием многих факторов. Одними из важнейших можно считать начавшийся в советской культуре процесс децентрализации и связанное с ним возрастание значения региональных культурных центров. <...> Столица, выполняющая функции центра, являющаяся таковым в официальной сфере, в неофициальной – скорее эпицентр, средоточие крупных сил альтернативного искусства» [Жумати, 2005, с. 175].

И все же зачем в стабильном, иерархичном мире советской культуры кому-то понадобилось осуществлять трудоемкие работы по созданию Исторического сквера и Литературного квартала или бороться за титул «творческой лаборатории» советской музыкальной комедии? Мы полагаем, что движущей силой стали глубокие изменения в социально-экономическом облике города. Н. Верт подчеркивал, что в 1970–1980-х гг. «развитие городской субкультуры, повышение общего уровня образования породили значительно более сложную общественную структуру, отличающуюся целой гаммой “неформальных образований”, “микромиров” и уголков “самоуправления” со своей социальной базой, культурой и контркультурой» [Верт, 1992, с. 412]. Е. В. Матвеев, изучающий развитие всесоюзных добровольческих обществ в контексте развития позднесоветской субъектности, приходит к выводу о том, что данные организации являлись «гибридной средой», в рамках которой «граждане обменивали свою лояльность на относительную автономию сферы реализации своих интересов, осуществлялась коадаптация советских граждан и власти на взаимовыгодных условиях» [Матвеев, 2018, с. 86].

В середине XX в. Свердловск становится одним из ведущих научно-технических и технико-бюрократических центров страны (важную роль играло технико-экономическое влияние многочисленных свердловских НИИ и проектных институтов, управлений, трестов), на рубеже 1960-х гг. произошел стремительный рост численности свердловской интеллигенции и студенчества. К 1973 г. общая численность работников науки, образования и здравоохранения, а также студентов дневной формы обучения превысила 100 000 человек и достигла 10 % от суммар-

ного населения города [Бугров, 2021, с. 70–71]. Свою роль сыграли развитие систем коммуникации – транспорта (железнодорожных и авиаперевозок), телевидения и радио, прессы и книготорговли – и массовых организаций [Малкова, 2013; Матвеев, 2018], а также оставшийся неизменным со 2-й половины 1950-х гг. отказ от позднесталинского курса на фактическую культурную изоляцию. Все это, в свою очередь, сформировало своеобразный *нерыночный спрос* на культурную продукцию.

Разумеется, культурные институты, интегрированные в плановое хозяйство, не зависели напрямую от интереса посетителей [Малкова, 2013], но опосредованное влияние социального контекста заставляло по крайней мере часть деятелей культуры и искусства искать новые подходы к творчеству, в том числе и по экономическим причинам. Г. А. Янковская справедливо отмечает: «В ограниченном пространстве дозволенных тем, сюжетов и образов экономика вытесняла идеологию на обочину. <...> Слабая совместимость идеологических деклараций и экономических реалий оставляла возможность для социального маневра» [Янковская, 2007, с. 236]. Свой вклад в функционирование *нерыночного спроса* вносили и патрон-клиентские отношения, использование «административного ресурса»; с другой стороны, нельзя не учитывать стремление творческих фигур к самореализации, их тягу к созданию своих, говоря языком Н. Верта, «микромиров». Режиссер А. Е. Титель в одном из интервью так объяснял успех свердловской оперы 1980-х гг.: «Число любителей оперы не прямо пропорционально величине города – там сложилась мощная прослойка интеллигенции. Кроме того, я пришел в театр, который был в хорошем состоянии... Интерес к театру был большой, и когда мы пришли, поезд уже шел на всех парах, и мы с ускорением продолжили это движение. Театр стал модным» (Кичин, 2009). Именно тот феномен, о котором вспоминал Титель, мы и считаем *нерыночным спросом*, возникающим в научно-техническом центре.

Рассмотрим конкретный пример из истории позднесоветского Свердловска. С 1967 г. в краеведческом журнале «Уральский следопыт» начинает регулярно выходить рубрика «Мой друг – фантастика» (ее вел В. И. Бугров), где публикуются фантастические произведения и литературоведческие заметки о жанре. В 1970-х гг. популярность рубрики, первоначально являвшейся в общем-то маргинальной, начала расти, и к 1980 г. вывела «Уральский следопыт» на общесоюзный тираж в 249 000 экземпляров [Сергеева, 2020, с. 18, 53]. На волне этого успеха в 1981 г. редакцией журнала была учреждена «Аэлита» – первая в СССР премия за лучшее научно-фантастическое произведение [Ивашиников, 2007, с. 227]. Ее первыми лауреатами стали знаменитые А. Н. и Б. Н. Стругацкие (за роман «Жук в муравейнике»), и вручение «Аэлиты», на которое приехал лично А. Н. Стругацкий, вызвало ажиотаж, переросло в настоящий фестиваль. В том же 1981 г. начал работу и свердловский клуб любителей фантастики «Радиянт».

Хотя вся эта деятельность разворачивалась в целом под контролем властей³, все же она не привлекала большого внимания в профессиональном литературном сообществе, в официальной областной и городской прессе. Зато, например, газета Уральского политехнического института «За индустриальные кадры» регулярно печатала обзоры фантастической литературы, рисунки и стихотворения студентов, посвященные любимым книгам. Своим мнением о фантастике на ее страницах делился не какой-либо литературный работник, а видный ученый-химик, лауреат премии Совета министров СССР Г. Д. Харлампович (Харлампович, 1983). Рост интереса к фантастической литературе был особенно быстрым среди научно-технической интеллигенции: одним из наиболее авторитетных писателей-фантастов Урала 1980-х гг. был, например, С. А. Другаль, талантливый изобретатель-орденоносец и заведующий крупной лабораторией в Свердловском научно-исследовательском институте железнодорожного транспорта, для которого писательское дело являлось хобби. Литературно-фантастическое хобби Другаля и газетные статьи Харламповича можно – с долей условности! – считать проявлениями *нерыночного спроса*.

Заключение

С конца 1930-х гг. культура в Свердловске развивалась с опорой на уральскую «квазиэтническую» идентичность, постулированную в качестве основополагающей. Эвакуация времен Великой Отечественной войны, мобилизовавшая для работы в тылу огромные творческие ресурсы,

позволила локальной – уральской – тематике закрепиться на общесоюзном уровне [Витковская, Назукина, 2021, с. 80]. Сложился региональный канон «опорного края державы», который плодотворно разрабатывался писателями, художниками и режиссерами Свердловска, но одновременно означал фиксированное место города в жесткой иерархии культурных центров СССР.

В середине XX в. облик Свердловска начинает трансформироваться: город становился одним из ведущих научно-технических центров страны, на протяжении 1960-х гг. произошел стремительный рост численности свердловской интеллигенции и студенчества. Присутствие многочисленного слоя интеллигенции и бюрократии увеличивало своеобразный *нерыночный спрос* на культурную продукцию; горизонтальная связность вновь возникающих общественных групп и течений, наряду с развитием систем коммуникации, позволяла преодолевать «квазиэтническую» привязку к уральской тематике. В этой ситуации все более выигрышной – хотя и рискованной! – становилась стратегия эксперимента, ориентированного не столько на идеологическую линию (опять-таки предполагавшую в первую очередь интерес к локальной тематике), сколько на условного потребителя.

Разумеется, культурная сфера в СССР оставалась под бдительным и жестким контролем идеологического руководства [Шадрин, 2009; Мамяченков, 2016]. Тем не менее экономическая сторона в советском культурном производстве доминировала, а по мере роста рыночного спроса на ее развитие все в большей степени оказывали влияние мода, определенная конкуренция, стремление выделиться; в этом смысле можно заключить, что развитие культурных центров в СССР зависело как от институтов, организовывавших творческую деятельность, так и от среды, в которой деятельность этих институтов разворачивалась. Напряжение между ориентацией культурных институтов на региональную тематику уральского канона и растущим *нерыночным спросом* со стороны городской интеллигенции определяло ход и темп развития культурного центра в Свердловске. М. Н. Липовецкий интерпретирует «культурную революцию» в Свердловске 1980-х гг. как «отрицательную революцию» (термин А. В. Магуна), основанную на «особой региональной культурной идентичности», «отсутствии корней» и при распаде имперской структуры породившей особую постколониальную гибридность: «Такая гибридность де-эссенциализирует локальную культуру, освобождая ее от необходимости “освещать” местные темы и работать в неких эстетических рамках, как бы заданных местными культурными традициями» [Липовецкий, 2019, с. 14]. Это справедливое замечание, однако, как мы постарались показать выше, подобная гибридность в целом вытекала вовсе не из культурной специфики Свердловска, а из траектории его социально-экономического развития, поэтому и пресловутую «революцию» рубежа 1980–1990-х гг. можно рассматривать как продолжение наметившейся еще в 1960-х гг. тенденции. По нашему мнению, комбинация сформированных еще в 1930-х гг. институтов и развивавшегося с 1960-х гг. *нерыночного спроса* стимулировала движение Свердловска (как и других сопоставимых по социальным и экономическим параметрам городов) по маршруту от «периферийной столицы» к культурному центру национального значения, предполагавшему поиск новаторских стратегий и преодоление официальной иерархии. Это, в свою очередь, означает, что в условиях плановой экономики развитие культурного центра национального уровня требовало «двух ключей»: статуса «периферийной столицы», гарантировавшего стабильные вложения в культурные институты, и статуса крупнейшего научно-технического центра, гарантировавшего растущий *нерыночный спрос*.

Коллапс плановой экономики и распад Советского Союза означал снятие преград для экспериментальных стратегий, но обрушившийся на страну социально-хозяйственный кризис в громадной степени нивелировал возможности для дальнейшего культурного роста – не только ресурсным обескровливанием творческих институций, но и демонтажом научно-технических структур, обеспечивавших существование интеллигентской городской среды, заменой стабильного *нерыночного спроса* неустойчивым и падающим на фоне экономического коллапса рыночным спросом. То, что было в условиях планового хозяйства «микромирами» и «уголками самоуправления», при капитализме быстро трансформировалось в рыночные коммерческие ниши, организуя всю творческую деятельность на принципиально иных началах.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области, проект № 20-49-660015 «Екатеринбург-Свердловск как интеллектуальный центр России в эпоху промышленного модер-на: вехи становления (конец XIX – конец XX в.)».

² «Саламандра» была выдвинута на соискание премии опубликовавшим ее журналом «Октябрь», глав-ным редактором которого был в те годы Ф. И. Панферов. В апреле 1959 г. роман Очеретина подвергся суровой критике со стороны В. И. Сурвилло на страницах журнала «Новый мир» (Сурвилло, 1959); под защиту уральского автора брал В. А. Кочетов, выступивший против Сурвилло в газете «Известия» (Ко-четов, 1959).

³ Несмотря на то что в 1986 г. «Аэлита» не вручалась из-за давления органов власти, в целом движение КЛФ нельзя считать конфронтационным по отношению к власти; по справедливому замечанию В. В. Комиссарова, столкновения были вызваны архаичной манерой, в какой властные органы пытались регулировать работу КЛФ [Комиссаров, 2015, с. 24].

Список источников

Свердловск // Большая советская энциклопедия. Т. 23. Сафлор–Соан. М.: Советская энцикло-педия, 1976. С. 39–41.

Аничков В.П. Екатеринбург–Владивосток (1917–1922). М.: Русский путь, 1998. 368 с.

Бердников Н.Н., Рабинович Р.И. Свердловск: справочник-путеводитель. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1983. 284 с.

Букин В.П., Пискунов В.А. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года. Свердловск, 1982. 255 с.

Вариавский Г. Песня о Свердловске. Муз. Е. Родыгина // Уральский рабочий. 1962. 17 июня.

Волович В.П. Мастерская. Записки художника. Екатеринбург: Автограф, 2017. 608 с.

Диковский С. Периферия // Правда. 1937. № 57. 27 февраля.

Кичин В. Чудаки и пророки [Электронный ресурс] // Культурная эволюция. 2009. 3 декабря. URL: <https://yarcen.ru/articles/culture/theater/chudaki-i-proroki-26270> (дата обращения: 01.06.2022).

Кочетов В. Сама жизнь дает нам в руки перо // Известия. 1959. 18 июня.

Куручкин В.А. Наступать широким фронтом // Советская музыка. 1964. № 10. С. 30–33.

Матафонова Ю.К. Незабываемый театр восьмидесятых // Уральский рабочий. 2012. 31 июля.

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и кинемато-графии за 1947 год: Постановление Совета Министров СССР // Правда. 1948. № 93. С. 1.

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся достижения в области искусства и литера-туры за 1943–1944 годы: Постановление Совета Министров СССР // Правда. 1946. № 23. С. 3–4.

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся достижения в области искусства и литера-туры за 1945 год: Постановление Совета Министров СССР // Правда. 1946. № 151. С. 3.

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 год: Постановление Совета Народных Комиссаров СССР // Правда. 1943. № 76. С. 1.

Сурвилло В. На путях романтики // Новый мир. 1959. № 4. С. 231–240.

Харламович Г.Д. Стругацкие – первые лауреаты «Аэлиты» // За индустриальные кадры. 1983. 24 мая.

Библиографический список

Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 404 с.

Абашев В.В. Память города и гуманитарные практики // Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь, 2012. С. 123–139.

Александров А. Свердловская оперетта: достоинства и просчеты // Советская музыка. 1978. № 2. С. 75–80.

Алексеев Е.П. Даешь тяжелую индустрию в искусстве! Время первых пятилеток на Урале в пол-отнах местных и столичных художников // Образ Урала в изобразительном искусстве. Екате-ринбург, 2008. С. 189–203.

Алексеев Е.П., Мережников А.Н. Зримый образ сказа: иллюстрации Геннадия Мосина к «Малахи-товой шкатулке» Павла Бажова // Искусство Евразии. 2022. № 1. С. 43–51.

- Алексеев Е.П.* Картина Г. Мосина и М. Брусиловского «1918 год»: анализ художественной системы // Известия Урал. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 55–69.
- Анимациа Е.Г.* Города Среднего Урал. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1983. 288 с.
- Белашанка Н.В.* Государственное управление культурой в СССР: механизм, методы, политика // Вестник Удмурт. ун-та. История и филология. 2009. Вып. 2. С. 87–103.
- Блинов В.А., Созина Е.К.* Екатеринбург литературный. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 448 с.
- Бугров К.Д.* Рабочий или интеллигентский? Основные социально-культурные модели развития советского Свердловска 1930–1980-х гг. // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 64–77.
- Бурлина Е. Я.* От «мифов провинциальной культуры» к культурологическим исследованиям: Самара 1992–2012 гг. // Городская культура и город в культуре: материалы Всерос. науч.-практ. конференции: в 3 ч. Ч. 1. Самара: изд-во Самар. гос. акад. культуры и искусств, 2012. С. 149–160.
- Верт Н.* История советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
- Витковская Т.Б., Назукина М.В.* Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. 2021. № 1. С. 67–87.
- Горчаковский П.Л.* Провозвестник экологического мышления // Известия Урал. гос. ун-та. 1999. № 12. С. 101–107.
- Дергачев И.А.* Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1981. 336 с.
- Жумати Т.П.* Художественный андеграунд 1960–1980-х гг.: столицы и провинция // Известия Урал. гос. ун-та. 2005. № 35. С. 173–182.
- Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. 208 с.
- Зубаревич Н.В.* Четыре России [Электронный ресурс] // Ведомости. 2011. 30 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (дата обращения: 01.06.2022).
- Ивашиников К.В.* Клубы любителей фантастики: опыт диалога с властью (1985–1991 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2. С. 225–231.
- Кириллова Н.Б.* Уральское кино: время, судьбы, фильмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 432 с.
- Клюева И.В.* Художественно-педагогическая деятельность Степана Эрзи // Интеграция образования. 2005. № 5. С. 144–151.
- Комиссаров В.В.* Движение любителей фантастики в провинциальном советском городе в 1980-е годы // Вестник Север. (Аркт.) федер. ун-та. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 22–27.
- Композиторы Екатеринбурга. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1998. 383 с.
- Коробков С.* Эпоха Курочкина // Страстной бульвар, 10. 2018. № 9. С. 127–142.
- Кривина Л.А.* Пионерский отряд «Каравелла»: взгляд сквозь призму пятидесятилетия // Образование и наука. 2012. № 4. С. 128–143.
- Лактионова Е.С.* Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960–1980-е годы) // Научный диалог. 2022. № 3. С. 439–455.
- Липовецкий М.* Станный случай региональной культурной революции: Свердловск в годы перестройки // Филологический класс. 2019. № 2. С. 8–16.
- Мазур Л. Н.* От уездного города к столице Урала: особенности урбанизационного перехода Екатеринбург–Свердловска // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. Вып. 21. С. 165–190.
- Малкова И.Г.* Культурное пространство городов Урала (1960-е – 1980-е гг.) // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 1. С. 42–47.
- Мамяченков В.Н.* Идеологический контроль за настроениями граждан СССР в 1953 – начале 1960-х гг. (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2016. № 5. С. 156–174.
- Матвеев Е.В.* Всесоюзное добровольное общество любителей книги как позднесоветская массовая организация 1970–1980-х годов // Magistra Vitae: электрон. журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 1. С. 85–98.

- Назукина М.В.* Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь, 2018. 196 с.
- Назукина М.В.* Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6. С. 37–47.
- Образ Урала в изобразительном искусстве. Екатеринбург: Сократ, 2008. 372 с.
- Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда: историко-краеведческий семинар. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 148 с.
- Растворова Н.В.* Жанровая панорама творчества Владимира Кобекина // Современное музыкальное искусство. 2012. № 2. С. 252–255.
- Романова Л.В.* Фольклорное направление в музыке уральских композиторов // Sciences of Europe. 2016. № 9-2. С. 4–8.
- Сергеева Ю.С.* Рубрика «Мой друг – фантастика» в журнале «Уральский следопыт» 1960–70-х годов как инструмент популяризации научной фантастики. Екатеринбург, 2020.
- Соколов С.В.* Документы Свердловского отделения ВООПИК как источник по интеллектуальной жизни Свердловска в 1960–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. Вып. 21. С. 222–228.
- Сперанский А.В.* Средний Урал в Великой Отечественной войне: вклад в победу // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 26–27 апреля 2007 г. Екатеринбург: АМБ, 2007. Т. 2. С. 241–245.
- Сутырин В.А.* Павел Бажов: биографическое повествование. Екатеринбург: Сократ, 2012. 509 с.
- Счастлирое место: свердловская музкомедия Георгия Кугушева, Владимира Курочкина и Кирилла Стрежнева. Екатеринбург: Автограф, 2018. 511 с.
- Худякова Л.А.* С чего начинался Литературный квартал // Урал. 2006. № 5. С. 235–237.
- Шадрина Е.А.* Развитие традиций музыкального театра Южного Урала (конец 1930-х – начало 1980-х годов): идеологический контекст // Вестник Юж.-Урал. гос. ун-та. Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 83–87.
- Щупов А.О.* Владислав Крапивин. Екатеринбург: Сократ, 2017. 557 с.
- Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 312 с.
- Янковская Г.А.* Локальный фундаментализм в культурных войнах за идентичность // Вестник Перм. ун-та. Политология. 2013. № 2. С. 157–165.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.03.2023

VECTORS OF CULTURAL DEVELOPMENT OF SVERDLOVSK, 1940S – 1980S

K. D. Bugrov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Sofyy Kovalevskoy str., 16, 620108 Yekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4596-8854
Researcher ID: Q-4273-2017
Scopus Author: 55976156600

E. P. Emeljanov

Ural Federal University, Mira str., 19, 620000, Yekaterinburg, Russia
emeljanov@ycenter.ru
ORCID: 0000-0002-2939-7270
Researcher ID: U-8898-2018
Scopus Author: отсутствует

The paper examines the process of forming a cultural center of national level in Sverdlovsk, that is, a stable community of cultural actors working in one city and producing art which is measurably famous across throughout the country. The authors state that such cultural center arose in Sverdlovsk in the 1930s–1960s based on the acquired status of a “peripheral capital”, with Pavel P. Bazhov became the first Sverdlovsk literary figure possessing national popularity. Although local art and literary workers enjoyed certain popularity in the 1940s–1950s, it remained within

a strict hierarchy of culture and was aimed at producing a “quasi-ethnic” Ural specificity. However, due to the socio-economic change of the 1960s, which led to the rapid growth of intelligentsia and bureaucracy (mainly in the fields of science, technology, planning, and projecting) in the city, Sverdlovsk cultural actors started to pursue innovative strategies, based on fashion, humanism, environmentalism, and historicism, to satisfy the growing non-market demand. Thus, in a planned economy, for the emergence of a national cultural center, not only stably funded cultural institutions were required, but also the presence of scientific and technical non-market demand, which would allow one to go beyond the strict hierarchy of cultural centers in a centralized Soviet system.

Key words: history of Yekaterinburg, history of Soviet culture, Ural art of 20th century, cultural centers, intelligentsia, non-market demand.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Fund for Basic Research and the Government of the Sverdlovsk Region, project № 20-49-660015 “Yekaterinburg–Sverdlovsk as an intellectual center of Russia in the era of industrial modernity: milestones of formation (late 19th – late 20th centuries)”.

References

- Abashev, V.V. (2000), *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in Russian culture and literature of 20th century], Perm State University, Perm, Russia, 404 p.
- Abashev, V.V. (2012), “Memory of a city and scholarly practices”, in *Russkaya literatura Urala. Problemy geopoetiki* [Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics], Perm State National Research University, Perm, Russia, pp. 123–139.
- Aleksandrov, A. (1978), “Sverdlovsk operate: pros and cons”, *Sovetskaya muzyka*, № 2, pp. 75–80.
- Alekseev, E.P. & A.N. Merezchnikov (2022), “Visible image of skaz: illustration of Gennady Mosin for «The Malakhite Box» of Pavel Bazhov”, *Iskusstvo Evrazii*, № 1, pp. 43–51.
- Alekseev, E.P. (2008), “Give us a heavy industry in art! The time of the first five-year plans in the Urals in the paintings of local and metropolitan artists”, in *Obraz Urala v izobrazitel'nom iskusstve* [The image of the Urals in fine arts], Sokrat, Yekaterinburg, Russia, pp. 189–203.
- Alekseev, E.P. (2013), “G. Mosin and M. Brusilovskiy’s picture “Year 1918”: an analysis of artistic system”, *Izvestiya Uralskogo Federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, № 1, pp. 55–69.
- Animica, E.G. (1983), *Goroda Srednego Urala* [Cities of Middle Urals], Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Sverdlovsk, USSR, 288 p.
- Beloshapka, N.V. (2009), “State administration in sphere of culture in USSR: mechanics, methods, politics”, *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, № 2, pp. 87–103.
- Blinov, V.A. & E.K. Sozina (2016), *Ekaterinburg literaturnyy* [Literary Yekaterinburg], Kabinetnyy uchenyy, Yekaterinburg, Russia, 448 p.
- Bugrov, K.D. (2021), “Proletarian or intelligent? Key social and cultural patterns of development of Soviet Sverdlovsk of 1930s – 1980s”, *Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie*, № 4, p. 64–77.
- Dergachyov, I.A. (1981), *Dmitriy Narkisovich Mamin-Sibiriyak. Lichnost'. Tvorchestvo. Kritiko-biograficheskiy ocherk* [Dmitry Narkisovich Mamin-Sibiriyak. Person. Creative Works. Critical and bibliographical essay], Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, Sverdlovsk, USSR, 336 p.
- Gorchakovskiy, P.L. (1999), “Precursor of environmental thinking”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, № 12, pp. 101–107.
- Hudyakova, L.A. (2006), “How the Literary quarter had started”, *Ural*, № 5, pp. 235–237.
- Ivashnikov, K.V. (2007), “Science fiction fan clubs: dialog with power (1985–1991)”, *Novyy istoricheskiy vestnik*, № 2, pp. 225–231.
- Kirillova, N.B. (2016), *Ural'skoe kino: vremya, sud'by, fil'my* [Ural cinema: time, fate, films], Izdatel'stvo Uralskogo Universiteta, Yekaterinburg, Russia, 432 p.
- Klyueva, I.V. (2005), “Artistic and pedagogical activity of Stepan Erzya”, *Integratsiya obrazovaniya*, № 5, pp. 144–151.
- Komissarov, V.V. (2015), “Movement of science fiction fans in the provincial Soviet city of the 1980s”, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, № 2, pp. 22–27.
- Kompozitory Ekaterinburga* (1998) [Composers of Yekaterinburg], Izdatel'stvo UrGPU, Yekaterinburg, Russia, 383 p.
- Korobkov, S. (2018), “Age of Kurochkin”, *Strastnoy bul'var*, 10, № 9, pp. 127–142.
- Krapivina, L.A. (2012), “Pioneer brigade “Caravella”: a look through the prism of anniversary”, *Obrazovanie i nauka*, № 4, pp. 128–143.
- Lahtionova, E.S. (2022), “Activities of public and political actors to preserve monuments of industrial heritage of Sverdlovsk region in the 1960s – 1980s”, *Nauchnyy dialog*, № 3, pp. 439–455.
- Lipovetskiy, M. (2019), “Strange case of a regional cultural revolution: Sverdlovsk in the perestroika years”, *Filologicheskiy klass*, № 2, pp. 8–16.

- Malkova, I.G. (2013), “Cultural space of cities of Urals (1960s–1980s)”, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 1, pp. 42–47.
- Mamyachenkov, V.N. (2016), “Ideological control of public sentiments in USSR in 1953 – early 1960s (on Sverdlovsk Region Materials)”, *Nauchnyy dialog*, № 5, pp. 156–174.
- Matveev, E.V. (2018), “All-Union society of book lovers as the late Soviet mass organization in the period of the 1970s – 1980s”, *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii*, № 1, pp. 85–98.
- Nazukina, M.V. (2015), “Urals microregion in the system of territorial identities of modern Russia”, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, № 6, pp. 37–47.
- Nazukina, M.V. (2018), *MezhdU Uralom i Povolzh'em: poiski permskoy identichnosti* [Between Urals and Volga Region: in search of Perm identity], Garmonia, Perm, Russia, 196 p.
- Obraz Urala v izobrazitel'nom iskusstve* (2008) [Image of Urals in art], Sokrat, Yekaterinburg, Russia, 372 p.
- Piksanov, N.K. (1928), *Oblastnye kul'turnye gnezda: istoriko-kraevedcheskiy seminar* [Regional cultural nests: a historical and local seminar], GIZ, Moscow, Leningrad, USSR, 148 p.
- Rastvorova, N.V. (2012), “Panorama of genres in works of Vladimir Kobekin”, *Sovremennoe muzykal'noe iskusstvo*, № 2, pp. 252–255.
- Romanova, L.V. (2016), “Folklore direction in music of Urals composers”, *Sciences of Europe*, № 9–2, pp. 4–8.
- Schastlivoe mesto: Sverdlovskaya muzkomediya Georgiya Kugusheva, Vladimira Kurochkina i Kirilla Strezhneva* (2018) [Place of happiness: Sverdlovsk theatre of musical comedy of Georgy Kugushev, Vladimir Kurochkin, and Kirill Strezhnev], Avtograf, Yekaterinburg, Russia, 511 p.
- Sergeeva Yu.S. (2020), *Rubrika «Moy drug – fantastika» v zhurnale «Ural'skiy sledopyt» 1960–70-h godov kak instrument populyarizatsii nauchnoy fantastiki* [Rubric “My friend is science fiction” in “Uralskiy Sledopyt” magazine in the 1960s – 1970s as a tool of popularization of science fiction], Master’s Thesis, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, 72 p.
- Shadrina, E.A. (2009), “The development of traditions of the South Ural musical theater (late 1930s – early 1980s): the ideological context”, *Vestnik YuUrGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, № 9, pp. 83–87.
- Shhupov, A.O. (2017), *Vladislav Krapivin* [Vladislav Krapivin], Sokrat, Yekaterinburg, Russia, 557 p.
- Sokolov, S.V. (2021), “The Intellectual Life of Sverdlovsk in the 1960s – 1980s in the Documents of Sverdlovsk Branch of The All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK)”, in *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Document. Archive. Story. Modernity: a collection of scientific works], Izdatelstvo Uralskogo Universiteta, Yekaterinburg, Russia, pp. 222–228.
- Speranskiy, A.V. (2007), “Middle Urals in the Great Patriotic War: contribution to victory”, in *Ural industrial'nyy. Bakuninskie chteniya: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Yekaterinburg, 26-27 aprelya 2007 g.* [Industrial Urals. Bakunin readings: materials of the 8th All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg, April 26-27, 2007], AMB, Yekaterinburg, Russia, vol. 2, pp. 241–245.
- Sutyurin, V.A. (2012), *Pavel Bazhov: biograficheskoe povestvovanie* [Pavel Bazhov: a biographical story], Sokrat, Yekaterinburg, Russia, 509 p.
- Vert, N. (1992), *Istoriya sovetского gosudarstva, 1900–1991* [History of Soviet state, 1900–1991], Progress-Akademiya, Moscow, Russia, 480 p.
- Vitkovskaya T.B. & M.V. Nazukina (2021), “Trajectories of development of regionalism in Russia: cases of Sverdlovsk region and Republic of Tatarstan”, *Mir Rossii*, № 1, pp. 67–87.
- Yankovskaya, G.A. (2007), *Iskusstvo, den'gi i politika: hudozhnik v gody pozdnego stalinizma* [Art, money, and politics: an artist in the years of late Stalinism], Permskiy gosudarstvennyy universitet, Perm, Russia, 312 p.
- Yankovskaya, G.A. (2013), “Local fundamentalism in cultural wars for identity”, *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, № 2, pp. 157–165.
- Zhumati, T.P. (2005), “Art underground of 1960s–1980s: capitals and province”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, № 35, pp. 173–182.
- Zorina, L.I. (1996), *Ural'skoe obshchestvo lyubiteley estestvoznaniya. 1870–1929. Iz istorii nauki i kul'tury Urala* [Ural society of lovers of natural sciences. 1870–1929. From the history of science and culture of Urals], Bank kul'turnoy informatsii, Yekaterinburg, 208 s.
- Zubarevich, N.V. (2011), “Four Russias”, *Vedomosti*, December 30, available at: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (accessed 01.06.2022).